
СОДЕРЖАНИЕ

Введение	11
1. В поисках утраченного времени	21
2. Глинда добрая	43
3. Теория эволюции	55
4. Ученик волшебника	62
5. С возвращением в мир	69
6. Новые горизонты	80
7. Да здравствует Голливуд	90
8. Проба крыльев	99
9. Фантазии о будущем	111
10. Герои бульварного чтива	123
11. Поэт бульварной прозы	132
12. Путешествие в Мексику	151
13. Темный карнавал	161
14. Любовь и брак	178
15. Красная планета	188
16. Человек в картинках	200
17. Золотые яблоки Солнца	218
18. 451° по Фаренгейту	240
19. Белый кит	258
20. Возвращение в Гринтаун	281
21. Надвигается беда	298
22. Американское путешествие	313
23. Воспоминания о будущем	331
24. Возвращение беды	349
25. Телебрэдбери	366
26. Пора расставаний	374
Эпилог	392

Благодарности	401
Избранная библиография	409
Указатель	414

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Рэй Брэдбери. Все хорошо, что кончается</i> Уэллером	431
<i>Сэм Уэллер. Путешествие в страну «Где-нибудь» . . .</i>	433
<i>Рэй Брэдбери. Книги и фильмы,</i> сформировавшие мое воображение	436
<i>Сэм Уэллер. А вы читали?.. . . . .</i>	441
Об авторе	445

Рэй, живи вечно

Прыгай с обрыва и отращивай
крылья в полете.

Рэй Брэдбери

ВВЕДЕНИЕ

Как и многие мои ровесники, я давно и прочно состою в клубе любителей межгалактических, межвременных, палеонтологических, марсианских, потусторонних, ярмарочных приключений с мумиями и чудовищами, словом — произведений Рэя Брэдбери. Впрочем, справедливости ради, Брэдбери принадлежит всем возрастам. Представители Величайшего поколения, ветераны Второй мировой войны читали первые рассказы Брэдбери в бульварных журналах, сидя в грязных окопах на истерзанной войной европейской земле. Беби-бумеры уносились на Марс с «Марсианскими хрониками», глазели на цирковых уродцев из «Человека в картинках» и бегали по зеленым полям Гринтауна вместе с героями «Вина из одуванчиков» — причем не только читали эти книги, но и слушали их в вечернем эфире, когда Брэдбери стал звездой радиопостановок. Поколение X открывало для себя Брэдбери на уроках литературы в школе и, куда важнее, за ее пределами — истории о ракетах из нержавеющей стали и пожарных, жгущих книги в мрачном антиутопическом мире, захватывающие, яркие и, выражаясь языком поколения X, ужасно клевые.

И вот с Рэем Брэдбери знакомится новое поколение. Он уже стал легендой, иконой американской литературы, вошел в пантеон, населенный духами литературного прошлого, наряду с Шекспиром, Мелвиллом, Диккенсом и По. Иные критики мысль о причислении Брэдбери — так называемого фантаста! — к литературному пантеону сочтут кощунственной, однако они давно опоздали на космический корабль и просто не в состоянии оценить метафоры Рэя Брэдбери, музыкаль-

ность его языка, а самое главное, созданную им мифологию. Короче говоря, эти критики не смыслят в творчестве Брэдбери ровным счетом ничего. Он намного больше чем фантаст, и вся его жизнь тому свидетельство.

Дети миллениума откроют для себя Брэдбери так же, как в свое время мы, — через его книги. И можно не сомневаться, что они присвоят его, как мы до них, потому что Рэй Брэдбери принадлежит всем поколениям.

Его поклонникам несть числа, и я присоединился к ним еще в утробе: в 1967 году мой отец читал книги Брэдбери вслух моей беременной матери. А одиннадцать лет спустя я впервые прочел Брэдбери сам, обнаружив на отцовской полке потрепанную книжку под названием «Человек в картинах». На мягкой обложке красовался этот человек собственной персоной; он сидел обнаженный на деревянном ящике, татуированной спиной к зрителю, в окружении жутковатого красного пейзажа, похожего на страшный сон; помню, я долго рассматривал эту обложку. С того момента мой отец каждый год клал под сияющую огнями рождественскую елку книги Брэдбери; они манили яркой подарочной упаковкой, с нетерпением дожидаясь своего читателя, и меня было от них не оторвать — к большому удовольствию моей матери.

В двадцать пять я вернулся в Иллинойс, чтобы ухаживать за ней в пору смертельной болезни. Родители развелись, старшие братья и сестры разъехались, так что я остался единственным свидетелем отчаянной борьбы матери с раком. Она спала лишь по несколько часов кряду, и в эти недолгие периоды покоя я уходил к себе. Помню, как зимними ночами смотрел в окно, за которым в свете уличных фонарей кружились большие хлопья снега, и впервые слушал аудиокнигу «Конвектор Тойнби» — вставлял кассету в маленький плеер, выключал свет, и меня убаюкивал голос Рэя Брэдбери, читающего вслух собственные рассказы. Это было настоящее волшебство и отдохновение для моей души, измученной печалью и болезнью матери. В одном из текстов, «От греха моего очисти меня», звучала такая глубокая меланхолия, что внезапно я ощутил родство с рассказчиком. Я не один. *Я не одинок!..* Не в том ли суть хорошей истории — дать нам чувство принадлежности,

помочь осознать простые истины?.. Тогда я понял, что этот поэт прозы видит красоту в печали.

Моя мать скончалась в 1992 году. Ей было немногим больше пятидесяти.

Восемь лет спустя после ее смерти родилась эта книга. Я тогда работал в журнале *Chicago Tribune Magazine* и предложил редактору сделать материал о сыне Иллинойса, пасынке Марса, привратнике призрачной Октябрьской страны, почетном библиотекаре Академии воображения — Рэе Дугласе Брэдбери, которому в тот год как раз исполнялось восемьдесят лет. Редактор дал добро, и я полетел в Лос-Анджелес, в гости к Брэдбери — в его большой многоэтажный дом, выкрашенный (очень кстати) в цвет одуванчиков. К парадному крыльцу вело больше десятка ступеней. Когда я поднимался, из кустов выскочили и бросились врассыпную коты. Перед дверью лежал коврик с хэллоуинскими тыквами, кричащими «Бу!».

Давняя служанка Брэдбери проводила меня в фойе. Первым же, что я увидел, оказалась картина — оригинал иллюстрации с обложки «Человека в картинках», которая так занимала меня в детстве. Итак, я наконец достиг цели!

Шел 2000 год, последний понедельник мая, на дворе стояла теплая погода, а мне предстояло встретиться с удивительным человеком. За семь месяцев до этого Рэй перенес инсульт, поэтому двигался осторожно — большой, когда-то пышущий жизнью человек теперь хромал, опираясь на трость. Впрочем, это не мешало ему разговаривать со скоростью света — он вещал, философствовал и предлагал решения во благо всего человечества, то и дело с благоговением обращаясь к прошлому. Тогда я понял, что Брэдбери представляет собой удивительной красоты парадокс: он пишет об отдаленном будущем, однако постоянно возвращается к старинным механическим агрегатам Уэллса и Верна, а о далеком прошлом повествует со щемящей тоской, будто говорит: счастливое будущее возможно, только если своевременно оглядываться назад. Рэй Брэдбери — человек-противоречие, пророк ностальгии: он предсказывает прошлое и вспоминает будущее.

Дом Брэдбери представлял собой настоящее святилище, полное «метафор», как называл это сам Рэй, — символов и су-

вениров («Талисманов!» — пояснял он со смехом) его жизни и карьеры. Комнаты наполнились предметами изумительной коллекции всего, что только есть на Земле и Марсе. Тем солнечным днем лучи, проникая сквозь широкие белые жалюзи, золотили своим светом тутанхамонскую сокровищницу Брэдбери. На стене висел оригинал обложки первого издания «451° по Фаренгейту», нарисованной старым другом и коллегой Рэя, Джозефом Мугнаини. На каминной полке в гостиной стояли прозрачные или блестящие статуэтки — награды, копившиеся десятилетиями. В коридоре всего через несколько месяцев после моего первого визита Рэй повесил медаль за достижения всей жизни, полученную в ноябре 2000 года от Национального книжного фонда за выдающийся вклад в американскую письменную культуру, — подтверждение того, что его творчество занимает прочное место в массовой литературе.

В кладовой хранилась толстая стопка раскрашенных вручную целлулоидных кадров «Дамбо», «Золушки», «Пинокио» и многих других классических мультфильмов, подаренных Рэю самим Уолтом Диснеем. Практически на всех поверхностях в доме, включая столы и стулья, виселись горы бумаг, старых фотографий, начатых рассказов, газетных статей, рукописей и пластмассовых лотков из-под молочных бутылок, где хранились бессчетные папки. В каждой комнате были игрушки: на диванах сидели гигантские плюшевые звери; жестяные ракеты и заводные роботы, притаившись в уголках, только и ждали момента, чтобы воспрянуть к жизни. И почти в каждой комнате встроенные стеллажи ломились от тысяч и тысяч книг.

Я провел в этом доме весь день, изумленно осматриваясь и слушая речи хозяина. Семидесятидевятилетний человек — и Питер Пэн, и мудрый сэнсэй — обладал энергией целого стада тираннозавров. Он работал одновременно над двумя романами, книгой эссе, сборником рассказов, полным собранием стихотворений, многочисленными статьями и пьесами. Словом, передо мной был творческий гигант. Он любил жить и собирался провести оставшиеся годы с максимальной пользой. Такой сильной тяги к жизни я не встречал до тех пор ни в ком — и вряд ли уже встречу. Рэй неустанно бежал от смер-

ти, заканчивая один проект за другим. Впрочем, больше впечатляла не столько его плодовитость, сколько настрой. «Если начинать день с мыслью «У меня ничего не выйдет», что же это будет за день?» — спрашивал Рэй, стремясь к своему излюбленному «оптимальному поведению».

«Я не верю в оптимизм, — объяснял он. — Я верю в оптимальное поведение, это другое. Что будет, если каждый день по максимуму воплощать возможности, заложенные в генах? Надо пробовать, испытывать себя. Никогда не знаешь, на что способен, пока не попробуешь. Это и есть оптимальное поведение. Если вести себя таким образом, станешь оптимистом. Как видите, есть разница — не быть оптимистом, а вести себя оптимально. Кричать во все горло и прислушиваться к эху».

Мы с Рэем Брэдбери почти сразу нашли общий язык. Ему понравилось, что я прочел все его произведения. Слава и богатство никогда не привлекали Рэя, он не любил слово «знаменитость», однако жаждал восхищения и признания. Когда к нему подходили незнакомцы со словами «Ваши книги изменили мою жизнь», он часто плакал. Так случилось и 14 декабря 2001 года — в день, который мэр Лос-Анджелеса Джеймс К. Хан объявил Днем Рэя Брэдбери. Когда Рэй шел домой после празднования в мэрии, из толпы к нему приблизился инвалид и сказал: «Спасибо за то, что вы изменили мою жизнь». Рэй был тронут до глубины души. А на Международном фестивале *ComicCon*, который проходил в 2003 году в Сан-Диего, я вез Рэя в инвалидной коляске, когда к нам подошел молодой афроамериканец и опустился на колени. «Я вырос в Южном Централ^{*}, но не стал бандитом, потому что у меня были вы. Вы, Азимов и Кларк стали моей бандой! Спасибо!» — воскликнул он. Глаза Рэя наполнились слезами. Молодой человек пожал ему руку и скрылся в толпе.

Впервые очутившись в доме Рэя, я рассказал свою историю — о том, как он помог мне развить воображение, как позже стал моим утешением в трудные времена, когда уми-

---

* Южный Централ — округ Лос-Анджелеса, известный криминогенной обстановкой. С 2003 года называется Южным Лос-Анджелесом (здесь и далее — прим. перев.).